
СОВЕТСКИЕ «ОАЗИСЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ»
(рецензия на монографию А. Ивановой «Магазины “Берёзка”:
Парадоксы потребления в позднем СССР»)

Дунаева Юлия Вячеславовна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела истории Института научной информации по обществен-
ным наукам (ИНИОН) РАН

Ключевые слова: потребление; валютная торговля; теневая экономика; идеология социа-
лизма; социальная дифференциация.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Советские «оазисы потребления». Рецензия на моногра-
фию А. Ивановой «Магазины “Берёзка”: парадоксы потребления в позднем СССР» // Социальные
новации и социальные науки. – 2020. – № 2. – С. 169–176.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/2-2020/>

DOI:10.31249/snsn/2020.02.11

Введение

Потребление в Советском Союзе становится все более актуальной темой исторических, антропологических и культурологических исследований [Журавлев, Гронов 2013; Кушкова 2009; Посадская 2013]. Появляется все больше публикаций и в Интернете, которые можно отнести к так называемой публичной истории. Определенную роль тут играет ностальгия по советским временам, которая присутствует в современной России. В этих условиях добросовестная историческая реконструкция особенно необходима. Тема, избранная Анной Ивановой, – магазины «Берёзка», которые автор называет «оазисами потребления», – представляется крайне важной и интересной.

Рецензируемая книга написана на основе диссертации, защищенной А. Ивановой в 2012 г. в Институте российской истории РАН.

Исследование охватывает три периода советской истории, на которые пришлось существование «Берёзок»: хрущевскую оттепель, брежневский застой и горбачевскую перестройку, т.е. период, который часто называют «поздним социализмом».

Источниками оригинального и новаторского исследования стали материалы и документы из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Минска и Вильнюса, а также статьи в периодических изданиях, в которых упоминается валютная торговля. Кроме того, исследование опиралось как на источники личного происхождения – воспоминания и дневники, – так и на материалы устной истории. А. Иванова провела 30 глубинных интервью и около 20 кратких опросов респондентов из 13 крупных городов бывшего СССР. В основном интервьюировались те, кто совершал покупки в магазинах «Берёзка» или работал в этой системе. Таким образом, строгое академическое изложение сопровождается наглядными и живыми рассказами о том, как продавались и покупались чеки, сертификаты, валюта, какие товары приобретались, какие практики использовались советскими гражданами для получения доступа к импортным товарам.

Противоречивость советской действительности

А. Иванова убедительно показала, что такой феномен, как магазины «Берёзка», а также торговля за валюту демонстрируют явное противоречие в отношениях экономики и морали в СССР, а в более широком плане – противоречия в идеологии позднего социализма. Этот парадокс автор рассматривает в разных ракурсах, сосредоточиваясь на трех идеологических проблемах. Во-первых, это отношение власти, простых советских людей и тех, кто имел доступ к валюте, к Запа-

ду и западным товарам. Во-вторых, отношение к потреблению в официальной пропаганде и в действительности. В-третьих, проблема социальной дифференциации в стране Советов.

А. Иванова справедливо подчеркивает, что Советский Союз всегда характеризовался двойственностью бытия. С одной стороны, первое в мире социалистическое государство стремилось продемонстрировать преимущества социализма перед капитализмом. С другой стороны, власти хорошо понимали, что советская продукция, и, прежде всего, товары широкого потребления, не может конкурировать с продукцией капиталистических стран. С точки зрения экономической целесообразности, пишет автор, закупая у «капиталистов» оборудование и продукцию, государство обеспечивало развитие советской экономики. Но если посмотреть с идеологической точки зрения, это было явной «уступкой врагу». То есть СССР, с одной стороны, противопоставлял себя Западу, с другой – зависел от него экономически.

Двойственность советской действительности А. Иванова иллюстрирует и на примере валюты. Согласно законам того времени, граждане не имели легального основания для хранения валюты. Более того, это отслеживалось КГБ и могло расцениваться как попытка шпионажа. Однако для импорта СССР нуждался в валюте и отыскивал разные способы ее приобретения. Таким образом, продолжает автор, в СССР иностранная валюта всегда воспринималась двояко: она обнажала противоречие между экономикой и идеологией, представляя собой морально сомнительный инструмент для желанной модернизации [Иванова, 2018, с. 8].

А. Иванова показывает своего рода эволюцию в отношении общества к потреблению материальных благ в 1960–1980-е годы. Во времена хрущевской оттепели возрождались аскетические идеалы времен революции, порицалось стремление к роскоши, к «бытовым излишествам», поощрялись «умеренность» и «рациональность». В брежневскую эпоху общественный климат изменился. Стало развиваться производство бытовой техники, была создана индустрия моды, больше людей могло купить машины и т.п. Налицо было стремление к материальному потреблению, и это на фоне продолжающихся разговоров о «мещанстве», противопоставлении духовного мира (фильмов, книг) миру капиталистическому с его идеологией потребления.

Социальное расслоение в государстве, основанном на принципах всеобщего равенства, А. Иванова связывает с материальным достатком. Она упоминает, что в сталинскую эпоху возник даже своего рода средний класс, но особенность заключалась в том, что он создавался «сверху» и под контролем государства. Потребление было привилегированным, доступ к материальным благам нужно было заслужить. Вопрос о богатстве, о материальных благах, доступных для одних и недоступных для других, был острым на протяжении всего советского периода.

Книга построена таким образом, что позволяет всесторонне и глубоко раскрыть обозначенные темы.

Магазины «Берёзка» в советской системе распределения и потребления

В период 1950–1960-х годов СССР становится более открытым внешнему миру. Значительно увеличился поток иностранных туристов, проводились даже иностранные показы мод. Государство, с одной стороны, ужесточало уголовное законодательство, касающееся торговли импортными товарами и валютных операций (в борьбе с растущим «черным рынком»), с другой – предпринимало смягчающие меры, стремясь увеличить приток валюты. Было разрешено принимать конвертируемую валюту в барах и ресторанах гостиниц, в международных аэропортах. В этом контексте автор рассматривает причины и предпосылки открытия магазинов «Берёзка» в 1961 г., подробно освещает нормативную базу их создания и функционирования, а также особенности советской «параллельной валюты» – сертификатов и чеков.

В книге показано, как в рамках «Внешпосылторга» советские граждане, работающие за границей, получили право приобретать товары за валюту. Открытие сети специализированных магазинов «Берёзка» расширило их возможности. Однако первоначально «Берёзка» была предназначена для интуристов из капстран: там продавались сувениры, водка, икра, но ассортимент неуклонно расширялся. Скоро в «Березках» стали продавать и отечественные товары в экспортном исполнении: фотоаппараты, часы, хрусталь, фарфор и т.п. За 10 лет существования конторы «Берёзка» в рамках «Росювелирторга» Минторга РСФСР (1967–1977) ее товарооборот вырос более чем в 8 раз. В 1978 г. было принято решение создать отдельное оптово-розничное объединение по торговле за иностранную валюту «Росинвалютторг» Минторга РСФСР.

К концу 1973 г. на территории СССР было более 200 предприятий и организаций, осуществлявших торговлю товарами как за наличную иностранную валюту (с иностранцами), так и за сертификаты «Внешпосылторга» и другие заменители иностранных денег. А. Иванова прослеживает постепенное изменение отношения к валюте и валютным операциям внутри страны. Их либерализация во второй половине 1980-х годов сделала магазины «Березка» ненужными. В июле 1988 г. Совет министров СССР принял решение о прекращении использования чеков и о закрытии валютных магазинов.

Фактически вся первая глава представляет собой подробный и хорошо фундированный справочник, неоценимый для исследователей позднего социализма. Не менее ценные сведения содержатся во второй главе и касаются категорий граждан – посетителей «Берёзки», а также способов, которыми они (легально и нелегально) получали валюту. Ведь согласно действующим правилам и инструкциям, до 75% заработанной валюты, а иногда и всю, люди были вынуждены отдавать государству. В лучших традициях социальной истории автор, опираясь на официальную документацию, насыщает повествование конкретными фактами из жизни и дает специфический социальный срез советского общества, прежде практически неизвестный историкам.

Законно получить иностранную валюту можно было несколькими способами: заработать за границей или получить перевод из-за границы (в качестве гонорара или подарка). Спектр тех, кто легально зарабатывал валюту, был достаточно широк: от дипломатов до моряков заграничного плавания, от артистов до технических специалистов, помогающих развивающимся странам. К этому следует добавить ученых и сотрудников международных организаций, выезжающих в командировки от разных ведомств, участников спортивных соревнований и культурных мероприятий, наконец военных. Большую долю посетителей «Берёзок» составляли условно «избранные»: государственные и партийные начальники, дипломаты, журналисты, работники внешней торговли. Но параллельно доступ к дефициту получали и обычные рабочие, отправленные для технической помощи в страны Азии и Африки, а также люди, имевшие родственников за границей, и даже советские диссиденты, получавшие валютные переводы из-за рубежа за антисоветскую деятельность (в частности, А. Амальрик за публикацию своего эссе «Продолжит ли Советский Союз до 1984 года?»).

По наблюдению автора, отличие магазинов «Берёзка», продававших за заменители валюты дефицитные товары определенным категориям советских граждан, от закрытых номенклатурных распределителей заключалось в том, что критерием принадлежности к привилегированной группе была не лояльность режиму, а обладание денежными средствами иностранных государств.

Потому не удивительно, что покупателями «Берёзки» становились и те, кто получал валюту не самым законным образом. Автор выделяет четыре такие группы: «оказиональные покупатели», т.е. случайные, получившие чеки в подарок или купившие их в небольших количествах для совершения конкретных приобретений, в основном одежды или обуви; те, кто использовал свое рабочее место для получения того, что тогда называлось «нетрудовыми доходами» (это могли быть продавцы магазинов, автомеханики и др.); сами сотрудники чековых магазинов, не имевшие формального права отовариваться в «Берёзках», если не ездили в командировки за границу; и, наконец, профессиональные спекулянты, так называемые «фарцовщики».

Большое внимание в книге уделено ассортименту магазинов «Берёзка», обстановка в которых разительно отличалась от того, что видели граждане в обыкновенных магазинах. За валюту можно было купить труднодоступные или вообще недоступные товары, как правило, это была импортная косметика, бытовая техника, ковры, меховые изделия и т.п. Те, кто имел большие суммы валюты, могли купить мебель, автомобиль, кооперативную квартиру (было разрешено с 1965 г.). Таким образом, ассортимент валютных товаров отражал «идеальный набор» советского человека, который в принципе должен был бы иметься в обычной торговой сети. Причем постоянно увеличивался спрос на повседневные товары иностранного производства, который государство удовлетворяло в этих «магазинах для избранных». Так что в каком-то смысле культ иностранных товаров отчасти поддерживался государством.

Со второй половины 1970-х годов магазины «Внешпосылторга» становились все более общепринятым каналом приобретения дефицитных благ, даже для тех, кто формально не имел туда доступа. Поскольку к этому времени сертификатами и чеками стали торговать на «черном рынке», в систему закрытых магазинов «проникали» простые граждане. Автор рассматривает некоторые аспекты «второй экономики» СССР и приводит данные, свидетельствующие о том, что покупка чеков за рубли на «черном рынке» после 1976 г. наказывалась нестрого. При сделках на сумму до 25 руб. следовало лишь административное взыскание (штраф до 50 руб.). Если же речь шла о чем-то более серьезном, применялась статья о спекуляции – до двух лет лишения свободы в обычных случаях и до семи лет в случае особо крупных размеров или промысла.

А. Иванова подчеркивает, что все возрастающая популярность «Берёзки» показывает, насколько привычным явлением стали в позднем СССР нелегальные экономические практики. В 1970-е годы государство все меньше боролось со спекуляцией, и в результате она (в частности продажа и покупка «берёзочных» чеков) все больше вписывалась в повседневность советских граждан. Автор присоединяется к мнению зарубежных историков, что власть в обмен на лояльность разрешала гражданам в условиях неэффективности плановой экономики использовать для обеспечения своих материальных нужд разные пути, в том числе и незаконные.

По мере разрастания «второй экономики», все большего распространения коррупции и блата на фоне все меньшего преследования нелегальных практик со стороны государства многим людям удавалось накопить с помощью нелегальной деятельности крупные состояния. В стране появляется влиятельная группа «подпольных миллионеров» – которые также, благодаря «черному рынку» валюты, стали посетителями «Берёзок». Появление этого нового социального слоя свидетельствовало о глубоких изменениях, происходивших в советском обществе, что было замечено современниками и комментаторами.

Важной темой исследования явилось восприятие магазинов «Берёзка» в СССР и отражение его в прессе. Автор отмечает, что в массовом сознании «Берёзка» и «берёзочные товары» были частью «воображаемого Запада» и вызывали восхищение и даже вожделение – уж очень разительно они отличались от всего того, что окружало простого советского человека. Одновременно они вызывали и возмущение граждан, так как наглядно свидетельствовали о социальном и финансовом расслоении. Как сообщила одна респондентка, некоторые представители интеллигенции считали неприличным быть приписанными к спецмагазину, так же, как и к «закрытым магазинам» для правящей элиты. Но помимо возмущения «Берёзки», ассоциировавшиеся с иностранцами и обладанием валютой, все еще вызывали и страх.

В прессе второй половины 1970-х магазины «Берёзка» и те, кто отовариваются в них, становятся предметами критики – в журнале «Крокодил» о них печатались фельетоны. Накал критики

нарастал, и в годы перестройки в рамках дискуссии о привилегиях существование подобных магазинов вызывало уже совсем резкие оценки. С одной стороны, речь шла о незаслуженных привилегиях «номенклатуры» (для кого созданы «Берёзки»?), с другой – о спекуляции (почему около «Берёзок» толпятся аферисты?). Вопрос о «Берёзках» возникал и в ходе дебатов о «теневой экономике». В целом же, как подчеркивает А. Иванова, вопрос ставился в моральной плоскости: допустима ли социальная дифференциация в социалистическом государстве, как оно (и общество) должно относиться к потребительству [Иванова, 2018, с. 194].

Однако при всем осуждении, моральном и идеологическом, по мере роста доходов населения и роста интереса к западной моде товары из магазинов «Берёзка» стали атрибутом повседневной жизни, символом комфорта и социального статуса, пишет автор [Иванова, 2018, с. 171].

На примере истории валютной торговли в СССР и конкретно магазинов «Берёзка» А. Иванова показала, как менялось советское общество. Во-первых, она утверждает, что в 1970-е годы происходит социальная стратификация, основанная не на лояльности государству, а на финансовых возможностях людей и их связях с границей. С этой точки зрения появление быстро растущей и значимой группы «подпольных миллионеров» достаточно характерно. Во-вторых, увеличение ассортимента товаров в «Берёзке» показывает рост потребления советских граждан и повышение их жизненных стандартов: то, что вчера воспринималось как недоступное, сегодня становилось насущно необходимым. Автор не останавливается специально на вопросе о существовании общества потребления в СССР, ссылаясь лишь на мнение Н. Чернышевой о том, что в брежневский период в стране появились «настоящие потребители» [Chernyshova, 2013].

Заключение

Один из итоговых выводов автора – о том, что эволюция магазинов «Берёзка» отражает постепенное разложение советской системы. То, что чеки все чаще продавались за рубли, работники «Берёзок» все сильнее злоупотребляли своим положением, а контролирующие органы все меньше обращали на это внимание, показывает, как СССР шел к своему распаду. Попытки власти держать экономику под контролем идеологии потерпели крах. Страна все дальше уходила от постулируемых идеологических принципов, а на их месте возникали новые, легшие, в конце концов, в основу нового государства.

Завершая рецензию, следует отметить, что в представленном исследовании хорошо сочетаются как «строгие» аналитические материалы, так и живые рассказы. Книга читается легко и с интересом, поэтому ее можно рекомендовать как научному сообществу, так и всем, кто интересуется новейшей историей России.

Список литературы

1. Журавлев С.В., Гронов Ю. Мода по плану. История моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. – Москва : ИРИ РАН, 2013. – 528 с.
2. Иванова А. Магазины «Берёзка»: Парадоксы потребления в позднем СССР. – Москва : НЛЮ, 2018. – 304 с.
3. Кушкова А. Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2. – С. 174–187.
4. Посадская Л.А. Советская повседневность в художественных текстах (1920–1990-е годы). – Москва : АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
5. Chernyshova N. Soviet consumer culture in the Brezhnev Era. – London : Routledge, 2013. – 259 p.